

Разновременье: страницы из истории «МК»

Необратимость времен... Кто мог предположить в беззаботные шестидесятые годы прошлого века (когда я переступил порог редакции «МК»), что в ее стенах прогремит взрыв и унесет жизнь Дмитрия Холодова, а сотрудники будут единоборствовать с ворвавшейся на планерку

фашиствующей «Памятью» и выполнять свой профессиональный долг под градом макашовских пуль...

Но последующее не отменяет предыдущего.

Учительница первая моя

Сформулирую кратко: «Московский комсомолец» – моя жизнь. В буквальном, а не публицистически приукрашенном и преувеличенном метафорическом смысле.

Эпизод, о котором расскажу, известен только двоим: мне и Наталье Александровне Дардыкиной, ей я обязан и возможностью водить сейчас перышком по бумаге, и публикацией моей первой заметки – рецензии на документальный фильм о Корнее Ивановиче Чуковском (автор сценария – закадычный приятель Иосифа Бродского Евгений Рейн, с ним я впоследствии не без участия Саши Аронова близко сошелся) – сыплю звездными именами не для фейерверка, а потому что все в этом мире прочно увязано и переплетено.

Но в те далекие дни, в полиграфическом комплексе на Чистых прудах, я этого не понимал.

Несомненность педагогического дара Натальи Александровны (в

начале своей биографии – учительницы, она вырастила и вывела в свет многих известных мастеров слова) проявилась в том, что именно с ней состоялся у меня, быть может, главный юношеский разговор. После смерти отца, которая меня потрясла и которую я воспринял как трагедию и крушение мира, мое намерение свести счеты с жизнью было неколебимо. Я продолжал для виду исполнять привычные дела, а сам твердо решил: незачем длить безысходность.

Вероятно, что-то в моем поведении насторожило наставницу. В то лето я, студент журфака, проходил в «МК» так называемую производственную практику. Не помню, как завязалась беседа и почему я выхлестнулся. Но твердо могу заверить: не для того, чтобы малодушно найти повод отменить намеченное. Я не искал утешителей, иначе обратился бы к тогдашнему своему другу Юре Щекочихину, к родным сокурсникам – Сереже Смоляницкому, Грише Лернеру, Олегу Тешельману, Юре Хомайко. Я весь был поглощен болью утраты и своей неискупимой виноватостью: уход отца был отягощен нашей последней ссорой.

Что говорила мне Наталья Александровна? Чем разбивала и разбила мои аргументы? Уже не вспомнить. Но ее интонацию, хранящую меня и посейчас в трудные мгновения, впитали сознание и тело.

Всего последующего, что счастливо случилось со мной – если бы не то вмешательство Натальи Александровны – не состоялось бы. Не произошло бы ни завораживающих блужданий по Москве с Сашей Ригиным, ни ночных витиеватых бдений слевой Гуциным, ни встреч Новых годов на Патриарших у Павла Гусева с Петром Спектором и Владимиром Шахиджаняном.

В первых строках мемуаров я обмолвился о рифмующейся увязанности всего происходящего со всем последующим... Когда в лихие для «МК» 90-е молодые ниспровергатели вышвыривали вещи Натальи Александровны из ее кабинета, сметали бумаги с ее письменного стола, мне, успевшему поруководить знаменитым клубом «12 стульев», располагавшимся на 16-й странице

«Литературной газеты», доверили заведовать отделом искусств «МК», где Наталья Александровна выпестовала своих гонителей. Мог ли я дать в обиду свою первую учительницу? Я подросел вовремя. Ее статус был с пиететом восстановлен. Вещи, рукописи и цветы в горшочках вернулись на свое место.

Благовление Судьбы

С Сашей Ригиным и Сашей Ароновым закупили вдоволь портвейна и внедрились в подъезд ближайшего к магазину дома на Мясницкой (каждый раз, проходя мимо этого старинного особняка, я вспоминаю ту волнительную эскападу). Пить в редакции было стремно: разболтавшаяся трудовая дисциплина вызвала ужесточение наказаний за нарушение норм социалистического бытия.

Едва мы приготовились откупорить первую, к настезь открытой двери подъезда (кодовых замков не существовало) подрулил милицейский мотоцикл. Стражи порядка, вероятно, засекли нас еще возле прилавка и теперь поймали, как птичек в дупле. Попасть им в лапы (и в криминальные сводки) было страшнее, чем быть застигнутыми за распитием в кабинетных пенатах. Мы, затаив дыхание, стали подниматься по ступеням – широким, каменным, дореволюционным. Лифт в здании, естественно, отсутствовал. Менты неторопливо шли следом. Молча, боясь произнести хоть звук, мы переглядывались расширенными глазами. Ужас оказаться пойманными с батареей бутылок стискивал сердце. Полный абзац.

Пролет за пролетом, поднялись на последнюю площадку. Дальше податься некуда. Позвонить в чужую квартиру? Понятно, что не впустят. Мы стояли, запертые, припертые к безвыходности.

Милиционеры потоптались на нижней площадке и пошли вниз.

До сих пор не могу найти объяснения их внезапной милости. Они испугались, что окажем сопротивление? Пощадили нас? Не захотели связываться?

Судьба благоволит гулякам.

Как Вадик Черняк помог Саше Аронову

Аронов сформировал подборку из трех стихотворений. Печатать стихи ему позволялось не часто. Главный редактор Аркадий Петрович Удадьцов одобрил и вытащил стих, который Саша намеренно поставил в серединку – «замаскировал» – на первый план, открыв этим сомнительным с цензурной точки зрения опусом грядущую публикацию. В закамуфлированном стихотворении говорилось о том, что наступает зима, ее главный признак – снег может обмануть лишь иностранцев, ибо снег смягчает морозы. Заканчивалось оно строчками о том, что все мы выходим на ровное роковое поле зимы.

Аронов, в рыцарском благородстве ему не откажешь, попросил собрата по поэтическому цеху и коллегу по журналистскому ремеслу Вадика Черняка намекнуть Удадьцову: стихотворение не столь прозрачно и невинно, как кажется. «Лучше его все же спрятать». Вадик обещал исполнить просьбу. На планерке он сказал: «Почему боимся писать правду? Аронов в стихотворении о зиме прямо говорит: политическая ситуация в стране ухудшается».

Все же напечатали.

Письмо

Пришло письмо с обозначением адресата на конверте: Юрию Щекочкину. Все кому не лень трунили над Щекочихиным. Он обижался. Прежде всего на читателя: «Даже фамилию грамотно прочитать не мог».

Костюм

Александр Ригин на следующий день после своей очередной свадьбы явился в редакцию в новом свадебном костюме. С ходу стали отмечать торжественное событие. Вечером, на пути к своему дому, Саша споткнулся и упал. Но продолжал движение в

нужном направлении, хотя оставался в горизонтальном положении. Подошел милиционер, участливо поинтересовался:

– Куда ползешь?

Саша ответил:

– К молодой жене. – И вроде бы что-то добавил о состоявшейся накануне брачной церемонии.

– Ползи, – отпустил его милиционер, рассудив: домашняя экзекуция будет строже административного взыскания.

Жаль того шикарного свадебного прикида. Брюки оказались протертыми на коленях до дыр.

Игра в гестапо

Хочу вспомнить замечательного писателя Анатолия Афанасьева, работавшего в «МК». Предисловие к его книге дал сам Юрий Трифонов. По сценарию Толи был снят лирический телефильм «Мелодия на два голоса». В редакции Толя затеял странную игру: в гестапо. Возможно, его раздухаряла популярная эпиграмма на одного из воспевателей военной, разведческой темы: «Если б не было гестапо, что бы ели я и папа?» Приходивших авторов усаживали в пустом кабинете, врвался Толя с бюстом Ленина и прокурорским тоном производил допрос. Шокированные бедняги недоумевали. Таким образом Толя производил отбор стойких авторов.

Франц Кафка

Ни на книжном черном рынке, ни в букинистических я не мог раздобыть вышедший ограниченным тиражом (советские подцензурные времена) томик Франца Кафки. Павел Гусев договорился со знакомыми антикварами – в обмен на раритетную «Библиотеку приключений» я заветный томик получил.

Юрист

Хочу вспомнить юриста редакции – интеллигентнейшего Вадима Аркадьевича Бродского. Неприспособленный к жизни вдовец (в морозы он ходил в сандалиях и тоненьком плаще) обрел в журналистском коллективе настоящую семью. За ним ухаживали, лелеяли, кормили, одевали. И в последний путь на кладбище Вадима Аркадьевича провожали, как близкого человека.

Лучшие писатели

Полоса «Сверстник» привлекала лучших писателей для разговора с юношеством. Со Щекочихиным мы ездили к Валентину Берестову – брать подборку его стихов. Паша Гутионтов, Гена Жаворонков и Андрюша Чернов устраивали «круглые столы» с участием властителей дум. Я привел на очередное заседание автора знаменитых «Трех тополей на Плющихе» Александра Борщаговского. Условились: Александр Михайлович прокомментирует полученные от читателей письма. Но писем, которые можно было комментировать, поступило немного. Ригин и Щекочихин сочинили самые пронзительные...

Андрей Яхонтов

